

За рубежом. — 1996 — 29 нояб. — 5 экз. (№ 48) —

Балет

«Я не второй Нуриев, я первый Малахов»

Франк ОХМАН

«ШТЕРН», ГАМБУРГ.

своим лучшим 28-летним артисте. — Его тело просто идеально. У него самые красивые ноги и ступни, какие я когда-либо видел у мужчины».

Блестящий танцор за годы своей работы мог привыкнуть к комплиментам. Еще в конце 80-х годов он, как вундеркинд московского классического балета, впервые привлек к себе внимание западных хореографов. «Мне сказали, что я обязательно должен увидеть Малахова, эту восходящую суперзвезду, — вспоминает Дэвид Уилкоккс из лос-анджелесского «Клэсикл балле». — «Что ж, посмотрим», — ответил я. А потом я сидел с открытым от удивления ртом, как и все остальные зрители, просто не в состоянии поверить в мощь этих прыжков, плавность и совершенство его движений. Такой талант появляется лишь один раз за поколение».

Малахов тоже не сомневается в своей необычайной одаренности. «Она от Бога», — говорит он на ломаном английском, касается рукой золотой цепочки с крестом на своей груди, а другой рукой делает взмах в сторону неба. Но сама по себе вера еще не превращает человека в танцора. «Все, что я сегодня умею, — говорит он уверенно, — я добился тяжелым трудом. Я всегда хотел быть самым лучшим».

Родился Малахов в городе Кривой Рог на юге Украины. Дымку, которая окутывала этот центр металлургической промышленности, никак нельзя было назвать романтической. Она не могла воодушевить юношу на роли принцев и фавнов. Разве лишь породила в нем желание убежать прочь от грязи и сумрака. Чтобы Владимир занялся танцем, настояла его мать Елена. Ее собственная мечта о танцевальной карьере не сбылась. Вместо нее к балетному станку встал старший из ее двух сыновей.

Танцору ростом в метр семьдесят и весом в шестьдесят два килограмма при ежедневных напряженных тренировках не требуется соблюдать строгую диету, чтобы держать под контролем каждый грамм. В питании Малахов придерживается единственного твердого правила: 65 процентов — углеводы, остальное — белки и жиры. Танцору не обязательно отказываться от сладостей. Во время первой поездки в США Владимир обнаружил, что обожает шоколадные трюфели, особенно на завтрак. То, что он курит сигареты, не вызывает у его тренеров восторга, но они относятся к этому терпимо. Ему и без того приходится во многом себе отказывать.

Прошло уже четыре года, как Малахов решил остаться на Западе. «В России мне приходилось танцевать в одних и тех же балетах: «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Щелкунчик». Как бы я ни любил их, но мне всегда хотелось познакомиться с современными иностранными хореографами, такими, как Бежар, Ноймайер или Форсайт, и подняться на новую ступень».

Поэтому во время зарубежных гастролей он позвонил домой и сообщил матери, что не собирается возвращаться. «Тогда она не поверила, что я на самом

В первый раз четырехлетний Владимир выступил в своем детском коллективе в костюме зеленого муравья. Малахов вспоминает, как тогда от волнения споткнулся на сцене и упал. В десять лет он поступил в московское училище при Большом театре — своего рода «балетный ГУЛАГ». Шесть дней в неделю по десять часов шли общеобразовательные предметы, а также эстетика и история балета. Вечерами учеников ждали изнурительные репетиции и домашние задания. И все это при плохом питании, постоянном контроле за поведением и посещаемостью. «Это были трудные годы, — говорит Владимир. — Но я не жалею об этих мучениях. Другие классы держали не так строго, как наш. Однако из их учеников ничего и не получилось», — лаконично подводит он итог.

Легендарный штутгартский хореограф и руководитель балетной труппы Ион Гранко называл своих танцоров «железными мотыльками» и «танками в бархате». «Ты ни в чем не должен был уступать лучшим атлетам, — говорит его ученик Рейд Андерсон. — Но на сцене ни на мгновение ты не должен был показывать, каких это требует от тебя усилий. Все движения ты обязан был повторить несколько раз, пока они не останутся в мускульной памяти».

«Кто обдумывает каждый свой следующий шаг, тот непременно споткнется, — говорит руководитель штутгартского училища имени Иона Гранко Алекс Урсулак, с которым Владимир уже года два отрабатывает технику и выразительность своего танца. — Голова должна быть совершенно свободна. Если ты поработал до седьмого пота и от усталости не можешь шевельнуть языком, то лишь тогда сознание настолько отходит на второй план, что ты можешь танцевать, словно в упоении».

Бегуны на марафонские дистанции называют это состояние «упоением гонщика». «Во время спектаклей у меня и в самом деле часто появляется ощущение полета, — подтверждает Малахов. — После того как в последний раз опускается занавес, я обычно еще час, другой не могу ни есть, ни пить, ни даже спать. А потом наступает момент, когда внутри меня все обрушивается. Чувствуешь себя совершенно опустошенным. И тогда в час ночи я начинаю разорять холодильник».

«Мне необходимо много чувства и теплоты...»

ли для японских или французских создателей моды. «Все от Готье», — говорит он и, как какая-нибудь модница, поправляет борт своего пиджака. «Есть ли в твоей жизни такой момент, воспоминания о котором причиняют тебе боль?» — спросил его однажды руководитель венского балета Ренато Занелла. Малахов недолго думая ответил: «Мне приходится часто уезжать и оставлять друзей. Я редкий гость дома. От этого больно».

деле поступлю так, — говорит Владимир. — Но когда я действительно подписал в Вене договор, она приехала ко мне, плакала и умоляла вернуться домой».

Несмотря на слезы матери, Малахов остался. Теперь он блестящий исполнитель таких ролей, как Альберт из «Жизели» или Ромео. Он быстро стал любимцем венской публики. И в 1994 году Владимир, словно в награду за свое искусство, получил австрийское гражданство. Малахов, писали газеты, это новый Нуриев.

«Чепуха все это, — отмахивается Малахов. — Каждый должен пытаться стать индивидуальностью, которую ни с кем не спутаешь. Я не второй Нуриев, не второй Барышников или Нижинский. Я первый Малахов. Если уж с кем-то сравнивать, — говорит он, — то я хотел бы танцевать так, как Мария Каллас пела. Она мой идеал. Когда Каллас пела, то вкладывала всю душу. Мария не играла Норму, она была Нормой».

Полной отдачей Малахов требует не только от самого себя. За сценой он тоже ожидает безусловного совершенства. Если к спектаклю опаздывает парикмахер или не хватает части костюма, Владимир, в остальном человек мягкий и скромный, выходит из себя. «Тогда я невыносим, — смеясь, признается он. — Но не потому, что страдает мое тщеславие звезды, а потому, что я очень серьезно отношусь к своей работе».

Работа в Штутгарте, «Америкен балле фите», «Нэшнл балле оф Кэнада», в Венской государственной опере и гостевые поездки по всему миру практически не оставляют Малахову свободного времени. Он изредка может позволить себе встретиться с друзьями, побродить по музеям, сходить на оперные спектакли. Однако он никогда не отказывает себе в удовольствии заглянуть в магазины. Делать покупки — его страсть. «В своем шкафу я порой обнаруживаю вещи, которые висят там уже целый год, а я их еще ни разу не надевал», — говорит он. Временами кутюрье и сами дарят ему что-нибудь из своих коллекций, потому что от случая к случаю Владимир работает в качестве моде-

«Мне необходимо много чувства и теплоты...»

ли для японских или французских создателей моды. «Все от Готье», — говорит он и, как какая-нибудь модница, поправляет борт своего пиджака.

«Есть ли в твоей жизни такой момент, воспоминания о котором причиняют тебе боль?» — спросил его однажды руководитель венского балета Ренато Занелла. Малахов недолго думая ответил: «Мне приходится часто уезжать и оставлять друзей. Я редкий гость дома. От этого больно».

Этот блуждающий по свету человек по-настоящему умеет чувствовать. Как-то на репетиции спектакля «Ромео и Джульетта» Гранко штутгартская партнерша Малахова, балерина Иселт Лендвай, от усталости упала на мат под балетный станок. Владимир подошел к ней, погладил ее натруженные ноги, крепко прижал ее к себе и нежно поцеловал в голову. «Мне это необходимо, — сказал он. — Много чувства и теплоты. С камнем я танцевать не могу».

Перед выступлением в своей примерной.